

УДК 342.7**К вопросу о механизме конституционно-правовых ограничений политических прав и свобод граждан России****Гаврилов Роман Александрович**

Аспирант,
Северо-Кавказский федеральный университет
355009, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина 1;
e-mail: regitto@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы функционирования механизма, направленного на ограничение политических прав и свобод граждан Российской Федерации. Автором исследуются критерии законности, обоснованности юридически позитивных препятствий в реализации гражданами – носителями политических прав и свобод, своих целей. Устанавливаются некоторые закономерности сохранения прочности и императивности механизма конституционно-правовых ограничений в российской правоприменительной практике. Механизм конституционных ограничений функционирует как составная часть российской правовой системы. Реализация предписаний, запретов, дозволений отражена в правоприменительных актах международного характера, содержание которых часто противоречит российскому конституционному правопорядку. Автором констатируется правовая, фактическая неустойчивость границы между юридическими ограничениями и злоупотреблениями со стороны уполномоченных субъектов. В ходе исследования делается попытка определить причинно-следственные связи ограничений, с опорой на их общественную и юридическую природу. Проблемы государственно-правовых ограничений рассмотрены с точки зрения теоретического субъектно-объективного анализа как метода, необходимого для понимания юридической природы правового регулирования и отечественной правовой системы в целом. Делается вывод о том, что ограничения политических прав сохраняются вне зависимости от государственного и политического режима. Они функционируют как необходимая потребность в балансе законных прав и свобод субъектов конституционных правоотношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Гаврилов Р.А. К вопросу о механизме конституционно-правовых ограничений политических прав и свобод граждан России // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 4А. С. 136-148.

Ключевые слова

Механизм правового ограничения, политические права и свободы, правопорядок, юридический состав, субъектно-объективный анализ, правомерность.

Введение

Пределы реализации политических прав и свобод ограничены существующими юридическими предписаниями. Законодатель обуславливает необходимость их соблюдения целями, актуализирующимися в пределах социальных взаимоотношений между субъектами конституционно-правовых отношений. Ограничения не функционируют изолированно, а обусловлены существующей правовой действительностью, с ее нормами и объектом восприятия результата позитивного (государственного) регулирования.

Исследование механизма ограничений политических прав и свобод граждан необходимо в векторной форме, с учетом закономерностей развития теории права и практики правоприменительной деятельности. Исследование ограничений политических прав и свобод, гарантированных Конституцией России, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими актами актуализирует проблематику правового регулирования. В качестве объекта исследования рассматриваются отношения между носителями политических прав в императивном и субординационном понимании.

В статье анализируются вопросы ограничений политических прав и свобод применительно к реальным условиям правоприменительной деятельности в России. Сделана попытка установить критерии и свойства ограничений, с опорой на отдельные судебные акты. Обобщаются теоретические разработки правоведов в области политико-правовых ограничений, регулируемых Конституцией России и другими нормативными актами.

Основная часть

В ряде федеральных законов содержатся юридические нормы-требования, действие которых напрямую касается субъектов конституционных правоотношений. Так, в ст. 16 ФЗ «Об общественных объединениях» выражается недопустимость создания общественных объединений, цели и деятельность которых направлена на осуществление экстремистской деятельности. Суды общей юрисдикции по искам Минюста РФ и его территориальных органов вправе запрещать деятельность общественных объединений, которые, даже при отсутствии противоправных целей, обозначенных в учредительных и программных документах, своими действиями призывают к осуществлению противоправной деятельности. При исследовании содержания нормативных и судебных актов, устанавливающих юридические ограничения для субъектов реализации политических прав и свобод, очевидна правомерность закрепленных законодателем запретов императивного характера.

ФЗ «Об общественных объединениях» позволяет установить юридические пределы ограничения политических прав и свобод субъекта, выражающего свою волю на создание коллектива людей, преследующих цели, в том числе политические. В ст. 44 указанного закона обозначены основания для ликвидации общественного объединения. Его деятельность может быть запрещена в судебном порядке, когда нарушает права человека и гражданина, посягает на законные публично-правовые интересы. В ч. 1 ст. 44 указанного закона не диверсифицирован перечень прав, которые подлежат защите путем мер, направленных на ликвидацию общественного объединения в судебном порядке. Из этого можно сделать вывод о том, что законодатель предполагает защиту все прав граждан, гарантированные главой 2 Конституции РФ. Полномочия на ограничение политических прав общественного объединения предоставлены на основании подпунктов 73, 74 Положения об Управлении Минюста России по

субъекту (субъектам) Российской Федерации, утвержденного приказом Минюста России от 03.03.2014 № 26.

Политические права субъектов конституционных правоотношений также ограничиваются на основании актов апелляционных инстанций, в том числе Верховного Суда РФ. В данном случае показательно апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.04.2017 г. № 48 – АПГ17-5. Высшая судебная инстанция пришла к выводу, что доводы в апелляционной жалобе о несоразмерности допущенных некоммерческой организации нарушений, будучи в статусе иностранного агента, и последствий таких нарушений не являются основанием для отмены постановления, ранее вынесенного областным судом. Имел значение сам факт грубого нарушения законодательства, что создает угрозу жизни, здоровью граждан, их общественно значимым интересам, свидетельствует о пренебрежении российским законодательством.

При ликвидации организации административный истец уполномочен на защиту неопределенного круга лиц, а также интересов государства, т.е. действует в рамках полномочий, предоставленных Положением о Министерстве юстиции РФ (утвержденного Указом Президента РФ от 13.10.2004 года № 1313.). Анализ вышеуказанного судебного акта свидетельствует о превентивном подходе к защите прав граждан в лице неопределенного круга лиц, которые могут пострадать от незаконных действий общественной организации (в том числе в статусе иностранного агента). Интерес факт, что статус иностранного агента, общественное объединение в виде общественного экологического движения был присвоен Минюстом РФ на основании административного акта, принятого в ходе внеплановой проверки деятельности организации.

Для Верховного Суда имел значение факт, что решение Минюста РФ о включении некоммерческой организации в перечень иностранных агентов, с соответствующей обязанностью представлять отчет о финансировании из-за рубежа и расходовании денежных средств, использовании имущества, автором апелляционной жалобы своевременно не оспаривалось.

Из приведенного примера очевидна поступательность, системность, доказательность, необходимая для привлечения к ответственности некоммерческой организации, реализующей свои права вопреки установленным предписаниям российского законодательства. Системность является универсальным критерием и условием ограничения политических прав и свобод. Она предоставляет возможность комплексного функционирования механизма, с учетом положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Ограничение прав и свобод граждан, таким образом, допускается в предусмотренных федеральными и иными законами случаях. Государством предусмотрены механизмы защиты прав и свобод граждан путем принудительного прекращения статуса субъекта правонарушения. Так, согласно ст. 38 ФЗ «О политических партиях от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ уполномоченные органы в лице Минюста РФ и территориальных управлений Министерства юстиции вправе выполнять контрольные мероприятия за деятельностью политической партии, ее структурных подразделений. Контролирующие органы уполномочены требовать соблюдения законодательства Российской Федерации, а также следить за соответствием деятельности политической партии, ее региональных отделений и структурных подразделений уставу политической партии. Контролирующие органы вправе выяснить, насколько правомерно и точно соответствует деятельность партии (включая ее структурные единицы) программам, целям и задачам, выраженным в уставах. Компетенция уполномоченного органа, инициирующего принудительную ликвидацию некоммерческой организации-

правонарушителя, по мнению А.С. Шабурова, не противоречит охранительным целям и задачам, возложенным на контрольные органы, в чью компетенцию входит принятие превентивных мер реагирования, необходимых для защиты политических прав и свобод граждан, охраняемых законом публичных интересов [Шабуров, 2018, 368].

Положения пп. «а-г» ч. 1 ст. 38 ФЗ «О политических партиях» направлены на контролирование действий партии через соответствующие государственно-волевые установки и цели. Уполномоченный орган Минюста РФ вправе выносить политической партии, ее региональному отделению или структурному подразделению предупреждение о несоответствии деятельности партии ее программным документам и уставу.

В положительном научно-исследовательском ключе следует рассматривать полномочия органов Минюста России на обращение с заявлением в суд с требованием о приостановлении деятельности партии сроком до двух месяцев либо ее ликвидации с региональными отделениями и структурными подразделениями, что возможно на основании п. 3 ст. 39, п. 3 ст. 41 и п. 3 ст. 42 ФЗ № 95 и ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Данные нормы напрямую не касаются вопросов ограничений политических прав, но служат основаниями для определения меры государственно-правовой, уголовной, административной ответственности для субъекта, преступившего закон. Реализация компетенции территориальных органов Минюста осуществляется по итогам проведенных проверок. В качестве доказательственной базы используются материалы проверок из правоохранительных органов – в том числе на основании исследования предметов и документов, компьютерной информации – оперативно-розыскных мероприятий, перечень которых определяется ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Ликвидация политической партии в судебном порядке требует применения механизма судебной защиты – как порога и способа препятствования злоупотреблениям, иной незаконной деятельности субъекта политических прав с должностными полномочиями.

Поступательность развития механизма ограничения политических прав предполагает «наличие целей, юридического механизма, используя который уполномоченные государственные органы могут довести инициированный процесс приостановления или ликвидации общественной организации и политической партии до своего логического конца» [Арнудяев, 2018, 176].

Граждане РФ как субъекты и носители политических прав не всегда могут быть инициаторами их защиты – в силу нерешительности, нежелания воздействия законными способами на факты нарушения прав, или неосведомленности. Компетенция Генеральной Прокуратуры РФ, Министерства юстиции России, предусматривающая охрану государственных, общественно значимых прав и интересов, позволяет действовать вне зависимости от воли и мнения единичных носителей субъективных политических прав и свобод – физических лиц.

В механизме защиты политических прав целесообразно выделять охранительные, запретительные инструменты воздействия на нарушителя. Они предполагают следующие способы прекращения или приостановления противоправной деятельности до ее полного устранения:

– административные, досудебные способы защиты – вынесение предупреждения о недопустимости нарушения законодательства РФ (п. «в» ч. 1 ст. 38, п. 3 ст. 39 ФЗ № 95, ст. 44 ФЗ № 82).

– судебная защита – обращение уполномоченных органов с административными исковыми заявлениями о приостановлении деятельности политической партии или ее ликвидации в

порядке, предусмотренном гл. 27 КАС РФ.

– правовые мероприятия, направленные на исполнение судебного акта о приостановлении деятельности партии или ее ликвидации, – согласно ФЗ «Об исполнительном производстве от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ. (Гл.7-10).

Поступательное развитие механизма юридических ограничений, предполагает динамичность, избирательность правовых инструментов, препятствующих злоупотреблениям, искажениям в поведении контролируемых субъектов. Доказательность, как необходимое основание ограничения политических прав, связана с юридической оценкой компетентными органами перечня доказательств, подтверждающих вину субъекта правонарушений.

Механизм ограничений затрагивает вопросы административного производства. Положения о доказательствах сформулированы в гл. 26 КАС РФ. Ими могут быть письменные и иные сведения, свидетельства, полученные в рамках процедуры формирования, истребования доказательств, предусмотренных административно-процессуальным законодательством, отдельными федеральными законами (КАС РФ, ФЗ № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности, УПК РФ). При оценке предъявленных в ходе судебного разбирательства доказательств задействуются общеправовые и специальные принципы, критерии исследования – их законность, правильное оформление, истребование, получение, допустимость использования при принятии судебного акта по существу дела.

Механизм ограничений также затрагивает индивидуальные интересы граждан – как субъектов с активной позицией, которая проявляется в общественной деятельности (прежде всего, при участии в работе общественных организаций). Для борьбы с частными случаями ограничений политических прав граждан в порядке допускаемой законом самозащиты требуются усилия индивидуальной воли и координированные действия заинтересованного коллектива законопослушных граждан.

Процессу ограничений также свойственны тенденции к препятствованию реализации прав отдельных субъектов, которые с точки зрения российского законодательства считаются неблагонадежными. Согласно ст. 32 Конституции РФ граждане вправе осуществлять управление государством непосредственно или через своих представителей. Институт выборного представительства связан с традициями российского парламентаризма. На основании мандата, предписанных полномочий депутаты Государственной Думы и законодательных (представительных) органов регионального, муниципального уровня представляют интересы своих избирательных округов, регионов, реализуют законными способами волю субъектов носителей государственной власти.

Ч.2. ст. 32 Конституции гарантирует право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления. Предоставлено право организации и участия в референдуме, что свидетельствует о прямой возможности осуществлять управление государством и реализовать волю непосредственных субъектов голосования во властные решения. Ограничения активного и пассивного избирательного права допускаются с учетом статуса субъекта – как недееспособного гражданина, т.е. при отсутствии возможности своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности. Если со статусом недееспособности вопросов у субъекта реализации избирательных прав обычно не возникает (так как недееспособность возможна только на основании судебного решения, по правилам, установленным главой 31 ГПК РФ), то ограничения избирательных прав заключенных периодически часто становятся предметом судебного разбирательства и входят в сферу научно-практических интересов исследователей.

Механизм подобных ограничений предполагает юридическое и фактическое игнорирование права заключенного проголосовать, реализовать возможности, предусмотренные федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Положения п. 3 ст. 4 указанного закона вслед за ч. 3 ст. 32 Конституции РФ устанавливают невозможность реализации избирательных прав лицами, находящимися в местах лишения свободы, реализовать активное и пассивное право.

Анализ судебной практики показывает, что механизм ограничений избирательных прав функционирует часто вне зависимости международных решений, и, несмотря на признание РФ общепризнанных норм, принципов международного права, международных договоров составной частью правовой системы Российской Федерации, проявляет себя в форме императивного запрета ставить предписания актов международных судебных инстанций выше Конституции России.

В данном аспекте заслуживает внимание Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 г. № 12-П, принятое в связи с запросом со стороны Минюста по поводу возможности исполнить Постановление Европейского Суда по правам человека от 4.07.2013 г. «Анчугов и Гладков» против России. Выводы Конституционного Суда подчеркивают безусловный и абсолютный характер норм Конституции РФ. Положения главы 2 Основного закона могут быть изменены на общенародном референдуме или Конституционным Собранием и не предусматривают произвольную имплементацию предписаний международных правоприменительных актов в российском конституционном правопорядке. При анализе мотивировочной части указанного Постановления Конституционного Суда выявляются следующие закономерности:

1) Вопросы коллизий могут быть преодолены только путем компромиссов. Структурное изменение основы российского законодательства не может осуществляться исключительно на основании правоприменительных актов международного характера.

2) Исключена возможность субординации при взаимодействии международного и российского правопорядков. Разногласия, касающиеся запретительно-ограничивающего процесса доступа к реализации политических прав, должны решаться путем диалога между равными правовыми системами считается основой их надлежащего равновесия. Конституционный Суд РФ подчеркивает необходимость уважения ЕСПЧ отечественного правопорядка, юридических норм, закрепляющих основы конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина. Они не могут быть изменены по прецеденту, с учетом особенностей российской правовой системы как совокупности элементов, основанных на внутринациональном правопорядке, и исключают подчиненность ситуативным тенденциям.

3) Конституционным Судом РФ (п. 4.2 Постановления 12-П подчеркивается непоследовательное истолкование критериев «неавтоматизма», дифференцированности и соразмерности, на основании которых избирательные права граждан могут быть ограничены. Возможность дискреционного применения ограничения избирательного права исключены в силу абсолютного императивного содержания нормы ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. Императивный характер решений Европейского Суда по правам человека не может распространять абсолютное значение и влияние на механизм правовых ограничений в России. Большинство из них реализуются на основании внутреннего конституционного и иного законодательства, в котором отражены юридические нормы, не допускающие произвольного толкования.

Подчеркиваем необходимость, акцентировать внимание на последовательной позиции Конституционного Суда, исключающего возможность дискретных полномочий, применяемых относительно лиц, находящихся в местах лишения свободы. Системный подход решения вопроса исполнения актов ЕСПЧ не должен противоречить российскому законодательству.

Существующие коллизии, по мнению, О.В. Макаровой, следует преодолевать путем компромиссов, в том числе на государственном уровне в статусе Высоких Договаривающихся Сторон. Принятие Россией обязательств по следованию предписаниям Европейской Конвенции о защите основных прав и свобод и ее Протоколам не умаляет приоритета национальной системы при условии субсидиарного значения решений Европейского Суда по правам человека [Макарова, 2018, 129].

Механизм ограничений избирательных и иных политических прав граждан проявляет себя на местном уровне, при необходимости организации, проведения избирательного действия и публичного мероприятия. В СМИ активно распространяется информация о действиях сотрудников правоохранительных органов, должностных лиц по препятствованию реализации гражданами своих политических прав, в том числе на участие в публичных мероприятиях. При исследовании проблемы механизма ограничения значение имеет вопрос императивности законных предписаний власти с одной стороны и исполнимости субъектами, которые, в силу ч. 2 ст. 15 Конституции, обязаны соблюдать Основной Закон и другие нормативно-правовые акты.

Вопрос ограничений политических прав целесообразно решать с точки зрения субъектно-объективного анализа. Они, несмотря на запретительный характер, не могут считаться изолированными конструктами репрессивного характера, а обусловлены потребностью в сохранении правового баланса между субъектами, наделенными возможностями реализации своих законных прав и свобод в политическом процессе.

В механизме ограничений важно учитывать юридическую определенность норм, исключение их двусмысленного толкования и применения.

В теории права не предусмотрено исчерпывающего перечня форм ограничений. Их принято классифицировать в зависимости от методов правового регулирования. Р.Ф. Макуев также учитывает аспекты соотношения международного и национального законодательства, что важно для исследования вопросов правоприменения, реализации отдельных юридических норм с учетом государственной и политической конъюнктуры в отдельных странах [Макуев, 2017, 12].

В вышеуказанном Постановлении Конституционного Суда РФ подчеркивается выборочность мнений Европейского Суда по правам человека относительно вопросов ограничений (в частности, избирательных прав). Основательной базой для установления критерий правомерности, законности стали предписания национального законодательства, устанавливающие степень тяжести вины и преступлений объекта ограничений (в зависимости от, прежде всего, нюансов национального уголовного законодательства).

Юридические ограничения как безусловная необходимость для формирования фактического состава предмета правового регулирования распространяются на носителей прав на основании Конституции РФ, федеральных законов и конкретизируются региональными нормативными, правоприменительными актами. Методы и способы конституционно-правового регулирования механизма ограничений должны соотноситься с общими принципами и методами регулирования права как совокупности юридических норм с разной степенью дозволения.

Реализация механизма конституционно-правовых ограничений должна проводиться с

учетом специфики конкретных политических прав. В праве на объединения, гарантированном ст. 30 Конституции РФ, ограничения затрагивают возможный недопустимый статус субъектов, желающих приложить совместные усилия для достижения своих целей, в том числе политически направленных или обусловленных. Конкретизация запретов приводится в федеральных законах. Так, запрещено создание политических партий, объединений, преследующих неправомерные цели (экстремистские, разжигание межнациональной розни, занятие другой деструктивной деятельностью, не допускаемой позитивными юридическими нормами и осуждаемой обществом). Аналогичные по юридической значимости и силе ограничения содержатся при реализации права на свободу слова, печати, распространение информации, что способствует реализации политического процесса и активной общественной деятельности в целом.

В науке конституционного права не сложилось исчерпывающего по смыслу понятия «механизм конституционно-правовых ограничений политических прав и свобод». Исследователи выводят определения с учетом его категориальных признаков: через субъект, процесс правового регулирования, юридические нормы.

Предполагается также возможность определить механизм ограничений через понятия «юридического централизма», т.е. охранительного начала цели императивного дозволения либо запрета. В работах С.А. Киреевой ограничения рассматриваются через функциональное значение государственного режима. Возможность правового оперирования юридическими ограничениями и запретами предусматривается независимо от степени жесткости государственного и политического режима [Киреева, 2010, 128].

Ограничения функционируют как составная часть института прав и свобод личности. Их существующий показатель уровня развития свидетельствует о подлинном смысле российского демократического режима, одновременно устанавливая его существенные недостатки. Степень ограничений изучается через феномен неполноты реализации российского государственного режима как демократического и правового. Периодически распространяются факты произвольного ограничения прав и свобод личности. Только при их надлежащей реализации можно утверждать о наличии конституционной основы прав и свобод человека и гражданина. Механизм ограничений может включать средства репрессивного воздействия на правонарушителя, когда необходимо восстановить нарушенное право, добиться реализации принципа справедливости и возмещения морального, материального вреда. Ограничения фактического характера проявляются попытке реализации права на свободу слова, печати. В киберпространстве правоохранительными органами ведется активная пресекающая и репрессирующая с помощью мер уголовного и административного принуждения деятельность. Уполномоченными органами исполнительной и судебной власти активно, иногда с точки зрения социальной справедливости, необоснованно применяются нормы ст. 280, 282 УК РФ, предполагающие уголовное наказание за разжигание межнациональной розни, вражды, ненависти по религиозному, социальному, расовому признаку, что свидетельствует о деструктивных элементах межличностного, в том числе субординационного, взаимодействия.

А.А. Кондрашов подчеркивает возможность реализации механизма ограничений в негативном понимании через нормы ст. 152 ГК РФ. Гражданско-правовая ответственность может наступить за распространение о гражданине, в том числе субъекте политических прав (депутате законодательных, представительных органов), порочащую и не соответствующую действительности информацию. При инициировании судебного разбирательства ответчику приходится доказывать соответствие своих утверждений действительности. Доказывание

деликта возможно только после выявления и изучения содержания противоправной информации, которая получила распространение и подлежит изменению (удалению) [Кондрашов, 2014, 44].

Федеральным законом от 28.07.2012 г. № 63-ФЗ вновь введена ответственность за клевету, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица, подрывающих его репутацию. Квалифицированные составы преступления предполагают ответственность за клевету, распространенную при помощи СМИ, в публичных выступлениях и демонстрирующихся произведениях. Подобное может стать существенной основой для злоупотреблений, в том числе при уголовном преследовании граждан с активной гражданской позицией.

По мнению Т.М. Храмовой, механизм правовых ограничений, прежде всего, в частной сфере, актуализируется для субъектов гражданско-правовой, административной, уголовной ответственности. Он реализуется в той мере, в которой граждане своими сознательно-волевыми действиями преступили степень дозволенного поведения в рамках модели правоотношений, предписывающей поступать согласно юридическим нормам и придерживаться принципа невмешательства в охраняемые законом права и свободы других лиц [Храмова, 2013, 87.]. Законопослушное поведение считается основой, исключающей нарушение политических прав граждан, гарантированных Конституцией РФ и другими законами. Требования о соблюдении, исполнении юридических норм, будучи одной из целей правового регулирования, не должны умалять позицию граждан как активных субъектов реализации политических прав, нивелировать их общественно активную деятельность до уровня средства предвыборного и должностного популизма.

Приходится констатировать, что реализация большинства прав сталкивается с бюрократическими препятствиями в регионах и на уровне муниципальных образований, что обусловлено недостатками государственно-правовой системы. В.Ю. Мельников полагает, что российская правовая система, как и государственный демократический режим в целом, находятся в переходном положении [Мельников, 2018, 215]. В то же время сроки формирования демократического режима в России, по мнению О.А. Коврижных, не могут быть обозначены, так как демократию в ее общем философском и теоретико-правовом понимании можно рассматривать «как идеальный, абстрактный феномен, в котором реализуются принципы равенства возможностей, социальной справедливости, верховенства закона» [Коврижных, 2015, 31].

На развитие российской государственности, формирование законодательной и правоприменительной базы продолжают оказывать влияние внешние факторы и внутривнутриполитическая обстановка. Вопреки негативным тенденциям, основанным на пренебрежении законом, правопорядком, наблюдается консолидация общества вокруг социально и политически значимых инициатив.

Анализ механизма ограничения политических прав актуализировал вопросы фактического и юридического состава процесса и института запрета, предписаний, дозволений – способов, которые используются в регулировании конституционных правоотношений. Рассмотрение вопросов функционирования механизма требует использования юридически обоснованных и целесообразных средств регулирования на уровне структуры и цели самого процесса ограничения. Считаю верным позицию В.А. Коннова, который полагает, что ограничение политических прав должно предусматривать общие социальные и правомерные цели [Коннов, 2003, 82]. При исследовании фактического состава ограничений следует уделять внимание

юридическим фактам – событийному и предметному ряду ситуаций, действиям, намерениям заинтересованных сторон: реализовать свои права в критериях «правомерность-неправомерность» (получает применение в процессе реализации), «законность-незаконность» (как объективная предпосылка правоприменительной деятельности, независимо от ее этапа).

Юридический состав процесса ограничений должен основываться на содержании конкретных правовых норм, с учетом которых разрабатываются и принимаются нормативные предписания, обязывающие субъекта политических правоотношений воздерживаться от совершения противозаконных действий. Специфика субъектов и объектов механизма правовых ограничений (их юридический статус, полномочия, ситуативное поведение) должна учитываться при рассмотрении споров, затрагивающих вопросы реализации политических прав и законных интересов граждан.

В качестве содержания механизма в объективном понимании рационально рассматривать законодательные требования и правоприменительные акты, компетенцию органов государственной власти и местного самоуправления. С субъективной точки зрения механизм ограничений не всегда может быть воспринят как закономерное и справедливое явление лицами с недостаточным уровнем правосознания.

Заключение

Таким образом, в отечественной юридической доктрине, разработанной на основании систематических исследований ученых-конституционалистов, получила научное обоснование теория целесообразности ограничений, объясняющая условия и процесс функционирования механизма правового регулирования. В свою очередь, его устойчивое состояние поддерживается международной и отечественной нормативной базой, работой Министерства юстиции, позициями Конституционного Суда РФ, источниками правоприменительной практики, необходимой для реализации политических, социальных, иных целей, с учетом пространственно-территориальных, культурных, экономических реалий государства и общества. Для защиты своей юридически правомерной позиции, основанной на поведении, предписанном законами, потребуется высокий уровень правовой культуры, правосознания, смелости в ее морально-волевом понимании. Участники политических правоотношений, в рамках ч. 1 ст. 29, ст. 30-33 Конституции РФ и специальных законов могут реализовать права и свободы исходя из собственных субъективно-волевых установок и активной гражданской позиции.

Библиография

1. Арнюдаев Ш.А. Пределы ограничения прав граждан в уголовном судопроизводстве // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т.13. № 2. С. 174-178.
2. Иванников Н.С. Проблемы ограничения прав граждан Российской Федерации в сфере общественных объединений // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 102-105.
3. Киреева С.А. Правовая интеграция как важнейшее направление межгосударственной интеграции // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 125-131.
4. Коврижных О.А. Демократические выборы как способ ограничения политического насилия // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 29-31.
5. Кондрашов А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40-47.
6. Коннов В.А. Правовые основы ограничения политических прав граждан по зарубежному и российскому законодательству. М., 2003. 116 с.

7. Макарова О.В. Реализация решений Европейского Суда по правам человека в контексте развития уголовно-процессуального законодательства // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 124-134.
8. Макуев Р.Х. Прошлое и настоящее в развитии Российского государства // Право и государство: теория и практика. 2017. № 1 (145). С. 9-14.
9. Мельников В.Ю. Обеспечение прав и свобод гражданина. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 310 с.
10. Определение Верховного Суда РФ от 17.04.2017 г. № 48 – АПГ17-5.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации.
12. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».
13. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».
14. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях».
15. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».
16. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
17. Федеральный закон от 12.08. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».
18. Храмова Т.М. Свободы слова и собраний в экономической теории // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. №5 (96). С. 85-94.
19. Шабуров А.С. «Ограничение в праве», «ограничение права», «правовые ограничения»: соотношения понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 365-371.

On the issue of the mechanism of constitutional legal restriction of citizens' political rights and freedoms

Roman A. Gavrilo

Postgraduate,
North-Caucasus Federal University,
355009, 1, Pushkina st., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: regitto@rambler.ru

Abstract

The article deals with the functioning of the mechanism aimed at restricting the Russian Federation citizens' political rights and freedoms. The author analyses the criteria of legality, validity of legally positive impediments for the objective implementation by citizens as holders of political rights and freedoms. Some laws are established to preserve the strength and imperativeness of the mechanism of constitutional restrictions in Russian law enforcement practice. The mechanism of constitutional legal restrictions functions as an integral part of the Russian legal system. The implementation of prescriptions, prohibitions, permissions is discredited in international law enforcement acts, the content of which often contradicts the Russian constitutional order. In the course of the study, an attempt is made to determine the causal relationships of the restrictions, based on their social and legal nature. The author states that the legal, actual borders between legal restrictions and factual abuses caused by authorities are instable. The problems of state and legal restrictions are considered from the point of view of a theoretical subject-objective analysis as a method which is necessary for understanding, considering the legal nature of legal regulation and the national legal system as a whole. It is concluded that restrictions on political rights exist in

despite of the state and political regime. They function as a necessary need for a balance of legal rights and freedoms which belong to the subjects of constitutional legal relations.

For citation

Gavrilov R.A. (2019) K voprosu o mekhanizme konstitutsionno-pravovykh ogranichenii politicheskikh prav i svobod grazhdan Rossii [On the issue of the mechanism of constitutional legal restriction of citizens' political rights and freedoms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (4A), pp. 136-148.

Keywords

Mechanism of legal restriction, political rights and freedoms, law and order, legal composition, subject-objective analysis, legality.

References

1. Arnyudaev Sh.A. (2018) Predely ogranicheniya prav grazhdan v ugovnom sudoproizvodstve [Limits of restriction of the rights of citizens in criminal proceedings]. *Ugovno-ispolnitel'noe parvo* [Penal law], 13, 2, pp. 174-178.
2. *Federal'nyi zakon ot 19.06.2004 № 54-FZ «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh»* [Federal Law of June 19, 2004 No. 54-ФЗ "On Meetings, Meetings, Demonstrations, Processions and Pickets"].
3. *Federal'nyi zakon ot 19.05.1995 № 82-FZ «Ob obshchestvennykh ob"edineniyakh»* [Federal law of 19.05.1995 No. 82-ФЗ "On public associations"].
4. *Federal'nyi zakon ot 11.07.2001 № 95-FZ «O politicheskikh partiyakh»* [Federal Law of 11.07.2001 No. 95-FZ "On Political Parties"].
5. *Federal'nyi zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumakh grazhdan Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of June 12, 2002 No. 67-FZ "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation"].
6. *Federal'nyi zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodeystvii ekstremistskoi deyatel'nosti»* [Federal Law of July 25, 2002 No. 114-ФЗ "On Countering Extremist Activities"].
7. *Federal'nyi zakon ot 12.08. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti»* [Federal law of 12.08. № 144-FZ "On the operational-search activity"].
8. Ivannikov N.S. (2018) Problemy ogranicheniya prav grazhdan Rossiiskoi Federatsii v sfere obshchestvennykh ob"edinenii [Problems of restricting the rights of citizens of the Russian Federation in the field of public associations]. In: *Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern jurisprudence: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the XII International Scientific Practical Conference].
9. Khramova T.M. (2013) Svobody slova i sobranii v ekonomicheskoi teorii [Freedom of speech and assembly in economic theory]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 5 (96), pp. 85-94.
10. Kireeva S.A. (2010) Pravovaya integratsiya kak vazhneishee napravlenie mezhgosudarstvennoi integratsii [Legal integration as the most important direction of interstate integration]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], 2, pp. 125-131.
11. Kondrashov A.A. (2014) Ogranicheniya konstitutsionnykh prav v Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie podkhody i politiko-pravovaya praktika [Restrictions on constitutional rights in the Russian Federation: theoretical approaches and political and legal practice]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo* [Constitutional and municipal law], 7, pp. 40-47.
12. Konnov V.A. (2003) *Pravovye osnovy ogranicheniya politicheskikh prav grazhdan po zarubezhnomu i rossiiskomu zakonodatel'stvu* [Legal basis for limiting the political rights of citizens under foreign and Russian legislation]. Moscow.
13. Kovrizhnykh O.A. (2015) Demokraticheskie vybory kak sposob ogranicheniya politicheskogo nasiliya [Democratic elections as a way to limit political violence]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 5, pp. 29-31.
14. Makarova O.V. (2018) Realizatsiya reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v kontekste razvitiya ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [Implementation of the decisions of the European Court of Human Rights in the context of the development of criminal procedure legislation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 8 (260), pp. 124-134.
15. Makuev R.Kh. (2017) Proshloe i nastoyashchee v razvitiu Rossiiskogo gosudarstva [The past and the present in the development of the Russian state]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 1 (145), pp. 9-14.

16. Mel'nikov V.Yu. (2018) *Obespechenie prav i svobod grazhdanina* [Ensuring the rights and freedoms of the citizen]. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation.
17. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 17.04.2017 g. № 48 – APG17-5* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.17.2017 No. 48 - APG17-5].
18. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19 aprelya 2016 goda № 12-P po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolneniya v sootvetstvii s Konstitutsiei Rossiiskoi Federatsii Postanovleniya Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 goda po delu «Anchugov i Gladkov protiv Rossii» v svyazi s zaprosom Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 No. 12-P in the case of resolving the issue of the possibility of pursuant to the Constitution of the Russian Federation of the Resolution of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of Anchugov and Gladkov v. Russia connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation].
19. Shaburov A.S. (2018) «Ogranichenie v prave», «ogranichenie prava», «pravovye ogranicheniya»: sootnosheniya ponyatii [“Restriction in law”, “restriction of law”, “legal restrictions”: relations of concepts]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Engineering], 12, pp. 365-371.